

Жизнь

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

«Как одинок человек всю жизнь!»

Дневниковые записи Марины Цветаевой 1918 - 1919 годов мы публикуем впервые. К сожалению, столетний юбилей поэта, который широко отмечается Россией, несколько омрачен тем, что не удалось выпустить в свет собрание ее сочинений. В нынешней экономической ситуации издавать Цветаеву, оказывается, нерентабельно.

14 марта 1918 г.

Опыт этой зимы: я никому на свете, кроме Али и Сережи (если он жив), не нужна.

В каком году я жила!

Я прекрасно представляю себе, что в один прекрасный день совсем перестану писать стихи. Причин множество:

1) У меня сейчас в них (в писании их) - срочной необходимости... (нет). Могу написать и не написать, следовательно не пишу.

2) Стихи, как всякое творчество - самоутверждение. Самоутверждение - счастье. Я сейчас бесконечно далека от самоутверждения.

3) Сейчас все летит, и мои тетрадки так бесконечно легко могут полететь. Зачем записывать?

4) Я потеряла руль. Одна волна смывает другую. Пример: стихи об ангелах: «Ангелы слепы и глухи». Что дальше? - Все!

Хаос. Один образ вытесняет другой, случайность рифмы заводит меня на 1000 верст от того, что я хотела раньше, - уже другие стихи - с ними та же история, - уже

третья - и в итоге - чистый лист и мои закрытые - от всего! - глаза.

5) Что хочу сказать? - Мир. - Мир сам себя скажет.

Сентябрь 1918 г.

Я абсолютно declassée. По внешнему виду - кто я? 6 ч. утра. Зеленое, в три пелеринки, пальто, стянутое широченным нелакированным поясом (городских училищ). Темно-зеленая, самодельная, вроде клобука, шапочка, короткие волосы.

Из-под плаща - ноги в безобразных серых рыночных чулках и грубых, часто нечищенных (не успела) башмаках. На лице - веселье.

Я не дворянка - (ни гонора, ни горечи) и не хозяйка (слишком «пропуск») и не богема (страдаю от нечищенных башмаков, грубости их радуюсь, - будут носиться!)

Я действительно, абсолютно, до мозга костей, - вне сословия, профессии, ранга. - За царем - цари, за нищими - нищие, за мной - пустота.

- «Монах ребенка украл!»

(Возглас мальчишки на Казанском вокзале, видящего меня мчащуюся с Ириной на руках).

Из письма:

... Господи Боже мой, знайте одно: всегда, в любую минуту я о Вас думаю. Когда Вам захочется обо мне подумать, знайте, что Вы думаете в ответ.

... Это ныло у меня два года в душе, а теперь воет.

... Я же не одержима, моя одержимость тайная, никто в нее никогда не поверит.

... Люблю Вас и без сына, люблю Вас и без себя, люблю Вас и без Вас - спящего без сна! - просто за голову на подушке!

Ноябрь 1918 г.

Милый друг! вчера вечером и в первый раз в жизни полюбила лифт. (Всегда панически и протестом боялась, что застряну навек!)

Я подымалась - одна в пустой коробке - на каком-то этаже играла музыка, и все провалы лифта были наводнены ею. И я подумала: Движущийся пол и музыка. Вся я. И, задыхаясь от восторга, подумала:

Музыка коварными когтями разворачивает грудь.

А через час я встретила с Вами.

- Я знаю, что я вам необходима, иначе не были бы мне необходимы Вы.

1919 г.

«Кому живется, а кому и ежится» (Баба, рассыпавшая на улице чечевичу, за которой стояла 2 часа на морозе в очереди).

Январь: Трагическое во мне в последнюю минуту искуплено легкомыслием.

Нет маленьких событий. Есть маленькие люди.

Вся тайна в том, чтобы события сегодняшнего дня рассказать так, как будто бы они были 100 лет назад, а то, что совершилось 100 лет назад, - как сегодня.

Февраль - Никогда не уступаю желанию,

всегда - причуде. От сильных своих желаний мне как-то оскорбительно, от причуды - весело.

В желании я - раб; в причуде - царь.

В двух словах об этом нашем с Алей визите к Бальмонту. (...) В доме, очевидно, до сегодняшнего дня ничего не было, а теперь вдруг все стало: пекут блины, варят картошку, варят кашу, варят суп из телятины. И угощают, угощают, угощают. Бальмонт ест восторженно, Аля - истово, Мирра (дочь Бальмонта - Л.М.) - причудливо. Я, случайно совершенно сытая, присутствую у стола в шубе, пью только кофе, любящая классицизмом всей этой сцены. Бальмонт восклицает: «Ах, я бы с таким удовольствием съел всю эту телятину один! И никому бы не дал».

И смеется, п.ч., как я, понимает классицизм, для Москвы 1919 года, этого возгласа.

- «Нюшенька, вы наслаждаетесь?»

- «Я знала, что вы меня спросите!»

Мирра влюбленно заботится об Але, кормит ее со своей тарелки, все наперерыв уговаривают меня есть. А я, счастливая тем, что так чистосердечно ничего не хочу, что все нас тут так любят, что всем нам сейчас так хорошо, а завтра будет так плохо - курю папиросу за папиросой, не зная, что это - дым ли я выделяю, или вдохновение.

Буржуазии для очистки снега запретили пользоваться лошадиными силами. Тогда буржуазия, недолго думая, наняла себе верблюдов.

И верблюдов возил. И солдаты сочувственно смеялись: «Молодцы! Ловко обошли декрет!»

(Собственными) глазами видела на Арбате).

Вчера, возвращаясь домой по Арбату, было так темно, что мне казалось: я иду по звездам.

- «И снится мне, будто весь пол в моей комнате - совсем круглый, выпуклый. Я точно предчувствовала, что придет ко мне кто-то Великий. Я привела свою комнату в довольно хороший вид, и в эту минуту пос-

лышался стук в дверь, и дверь сама открылась. Вошел Спаситель. Я молчала. Он сел на стул и грустно смотрел на меня. Я стояла и не хотела садиться и закрыла лицо руками. Моя комната, как только вошел Спаситель, наполнилась коралловыми крестами, перламутровыми мечами и распятиями. - Сон не прерывается, но я вижу, как Христа ведут на распятие в Терновом венце. (В «Терновом венце» с большой буквы). Тогда я пошла в свою комнату и достала коралловый крест и перламутровый меч. Я пошла за ним. Он исчез. Но враги Его еще шли, ища его. И я перед собой в окне увидела реку».

Иду за Алиным обедом. Мороз. Руки без варежек. В левой руке муфта, прижатая к груди. Мне необычайно приятно нести ее так. Узнаю этот жест, но у меня в руке. - Ах! Так в XVIII веке держали, входя в гостиную, трюгилку.

Март 1919 г.

Странное чувство: в горе я не погружаюсь, горе во мне работает, роет какие-то подземные ходы.

Моя любовь - это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям.

Жесточайший эгоизм: не желать брать. Его у меня нету. Я чаще всего не умею брать, п.ч. люди - чаще всего - не умеют давать.

Бывает так, что беру сама, и этим осваиваю и себя и другого.

Мое требование - всегда просьба, моя просьба - всегда требование.

Не могу - хоть убейте! - чтобы человек думал, что мне что-нибудь от него нужно.

Мне каждый нужен, ибо я ненасытна. Но другие, чаще всего, даже не голодны, отсюда это вечно-напряженное внимание: нужна ли я?

Москва сейчас смотрит на трамваи с недоверием, как на воскресшего Лазаря.

Мне не дано возбуждать в людях жалость. Элементарный пример: иду в 11 ч. дня по

Поварской с переполненной кошечкой в руках. - «Цвету как роза». (Со вчерашнего дня во рту - ничего, кроме стакана поддельного чая, не было. В кошечке - старые сапоги, которые несусь продавать).

Как одинок человек всю жизнь! В детстве мать, к(отор)ая вечером, когда ее безумнее всего любишь, - уезжает в концерт...

Пока вся Москва 1919 г. несла снежную повинность, я несла - нежную.

Иду по Николопесковскому.

- Зайти к Бальмонтам? - И сразу видение самой себя, - смеющейся, курящей, курящей, курящейся, - над стаканом чая, который не пью, потому что без сахара - скучно, а с сахаром - совести не хватает, ибо кусок сахара сейчас 4 рубля - и все это знают.

И от этого видения - почти физическая тошнота.

Мое веселье скорей удивляет, чем очаровывает. - «С чего это она?»

Благовещение 1919 г.

У телефона: - Я слушаю. Муж(ской) голос: «Попросите, пожалуйста, Марину Ивановну. - Это я. - Ах, это Вы, Марина Ивановна? Я не узнал Вашего голоса. Говорит К.(В.Кандауров). - Здравствуйте, К(онстантин) В(асильевич). - М(арина) И(вановна), я получил известие из Крыма и должен Вам сказать, что Сережа... - Убит - мысленно подсаживаю я. - Жив и здоров и просил Вам кланяться».

Минут пять спустя начинаю плакать. - Точное чувство до краев переполненных глаз, - слезы еще не текут. колени дрожат. Чувство легкой физической тошноты.

Благовещение! Благая весть! Недаром это мой любимый праздник! Я ровно 6 мес(яцев) ничего не знала о Сереже!

У меня есть судьба. Поэтом - быть может - я так - до тла - лишена честности. Вижу ее ясно, как на географической карте.

Если бы я была на острове, у меня тоже была бы судьба.

Публикация подготовлена Львом МНУХИНЫМ по рукописи одного из томов неизданного собрания сочинений.